

Ксения Хотина

Дом с проблесками

1

Знакомство с домом

Лена озиралась по сторонам, пыталась запомнить, откуда пришла. Просторная площадка возле школы выглядела торжественно. Ученики постарше еще привязывали шары к колоннам, двое парнишек пытались расположить плакат, на котором было написано «с первым сентября» довольно крупно и не совсем ровно. Все казалось незнакомым, хотя раньше здесь Лена уже бывала или нет, сейчас ей сложно было сориентироваться. С Леной в школу поохала мама, отец отправился на работу, как и обычно. Но для Лены день обычным не был, ей придется окунуться в новый мир, бросится с головой в страшную кабалу школьной жизни. У себя в деревне Лена любила школу, каждое занятие, каждый урок, даже если не очень понимала тему, занималась с удовольствием.

Здесь же школа была не похожа на ту школу, к которой привыкла Лена. Эта была в два этажа, с мудреными коридорами, с большими ребятами, куда уж больше той, в которой пришлось учиться Ленке в деревне. Детей было много, очень. Лена стояла посреди площадки и испуганно озиралась кругом. Она была похожа на загнанного котенка, которого выбросили на улицу, отняли от мамки, он впервые оказался на сырой земле и боялся сделать, жалобно пищал, подзывая маму, ожидая, что та возьмет его за шкурку и уволочет его в любимую коробку, где хорошо и тепло. Но Ленку никто не забирал, до линейки оставалось еще полчаса, мама зашла в школу, чтобы решить какие-то «очень важные вопросы». Ничего не оставалось, как стоять здесь, сжимая в руках толстый букет, который мама по дешевке выкупила у соседки.

Было страшно. Лену страшили одноклассники, которые могут оказаться гнусными, злыми, не дай Бог с ними придется разговаривать. Раньше Лена не замечала за собой того, что боится людей, но вдруг оказалось, что боится. Стояла и переминалась с ноги на ногу, старалась осмотреться. Перед Леной стояло большущее двухэтажное здание, как потом оказалось, стоит оно буквой Т, чего Лена долго не могла понять. Фасад старый, кирпичный, не крашенный Облупившийся кирпич выглядел не так приветливо, как хотелось бы, школа в фантазиях Лены представлялась более красивой и торжественной, но в реальности она – старое потрепанное годами здание, жаждущее ремонта. Вход украшали четыре колонны, которые поддерживали крышу, они были покрашены едкой зеленой краской, но краска уже потрескалась и начала местами отлупляться. Зону входа подчеркивало и большое крыльцо, выложенное серой плиткой под камень.

- Эй, поторапливайся, а то опоздаешь, Янка-обезьянка, - какой-то парнишка на голову ниже Лены дразнил белокурую девочку с вытянутым как кабачок лицом.

Ленка отвела взгляд в их сторону, но ничего больше не происходило, кабачковая девочка только оказала язык обидчику. Поэтому Лена снова стала осматривать школу, обратив внимание на старые, не поменянные окна, рамы тоже потрескавшиеся, казалось, потрескивали от ветра, который неожиданно поднялся на школьном дворе. Справа и слева от входа разрастались клумбы, цветов было немного, но Ленка заметила – за ними регулярно ухаживали. Цветы оживляли это старое обветшалое здание, которое сегодня открывало для Ленки двери в какую-то другую жизнь, к которой она совсем не привыкла.

Школа была школой, Ленка зашла в класс, ее как будто никто и не заметил. И опять сравнивала она все со своей маленькой начальной школой, в которой и было-то пять человек. А тут как-никак двадцать три ученика, мальчики и девочки, эта с кабачковым лицом тоже тут. А вон какая-то девчонка, как тростинка, и руки и ноги тоненькие, что переломить можно. Ленка сама была в теле, на молоке воспитывалась, искренне не понимала, как можно быть таким худым и незащищенным, кто хочет тебя толкнет, а ты и ответить не сможешь.

- Э, толстая, будешь со мной сидеть, - мелкий мальчуган со школьного двора был тут вроде задаваки.

- Я не толстая, - все, что смогла выдать из себя Ленка.

Лица были незнакомые, много лиц. Прыскали от смеха, озлобленно смотрели, Ленку не принимали, она для них была чужестранкой, прибывшей поведай откуда, дикаркой, незнающей ни имен, ни правил этой непонятной компании. Когда Ленка только вошла в класс, а она его долго искала, все одноклассники уже находились там. Познакомиться на линейке как-то удалось, да и не очень хотелось. Но здесь за классной дверью пришлось столкнуться с ними лицом к лицу. Первое лицо, с которым пришлось биться, было плоским, и говорило оно гнусавым голосом, будто немного в нос с большими раздувающимися как у быка ноздрями, один нос выделялся на этой плоскости. Лицо имело озлобленные глаза, чего Ленка тут же испугалась, в глазах была жестокость и такое упорство, что не сказать. Ленка быстро перевела взгляд и тут же попала на другое лицо, лицо девичье. Узкий разрез глаз не позволял понять, на тебя ли лицо смотрит, или просто отвело взгляд. Да ладно китайские глаза, но у лица еще и были отъеденные щеки, усыпанные веснушками. Лицо тоже приветливым не показалось, скорее каким-то пренебрежительным. «Задавака, думает о себе много» - такой диагноз поставила Ленка, пока шла к парте, хотела сесть подальше. Высматривая место побезопаснее среди всех этих злостных лиц, Ленка наткнулась еще на одно, злодейское, умной, тонкое, сразу видно лицо это пойдет на все, чтобы казаться хорошим среди других, но само, само оно треугольное и гадкое. Сзади этого лица было куда более длинное, вытянутое, оно смеялось без остановки, пока Ленка пялилась, но тут она увидела и трусость в уголках глаз. Ага! Лицо тоже их боится, только смехом прячется, но на Ленку внимания не обращал, будто она пустое место. Проблемные, проблемные лица, дикие. Но Ленка не сдастся, не сломается под этими взглядами. Последним лицом оказалось то, что и назвало Ленку толстой, но глаза у этого лица были добрые и очень честные.

В класс вошла классная, учительница математики, все встали.

- Здравствуйте, Ежики мои! – со вздохом окинула взглядом сидящих на низеньких партах ребят.

И все поплыло клумбы, цветы, лица, ежики поплыли в школьной карусели. Школьная жизнь есть школьная жизнь. Ленка поняла, что средняя школа это тебе не мед, это деготь. Здесь мало хорошо учиться, здесь нужно выживать и контактировать с неприятными тебе лицами, отбиваться от них, бороться, пока не кончатся силы, а иначе все, заключают.

Все бы ничего, но бояться пришлось не только школьной скамьи, но того дома в котором пришлось жить после школы. Это был пришкольный интернат. Жили в нем все иногородние, как нельзя хуже для Ленки. И если бой со школой она перенесла, то на интернат сил не осталось. Здание тоже было старым, только стены покрашены какой-то краской, которая тоже потрескалась. Как не объясняла учительница, стройная высокая женщина, Ленка не поняла, куда идти. Голос у учительницы был тихий слабый слегка дрожащий, казалось, вот-вот она заплачет. Здание нашла не сразу, новый дом для нее, для Ленки, и для других девочек из ее деревни, перепутала с кочегаркой, которая находилась странно как близко. Там топили, чтобы было тепло в школе, и в новом доме, но в интернате тепло не было, это Ленка почувствовала конечно ближе к зиме, когда стукнули холода.

Вокруг дома стоял деревянный забор тоже старый, потрепанный годами, редкие деревянные колья, казалось, совсем не защищали территорию. Трава еще зеленая шелестела под ногами, сухая и жесткая, все соки из нее ушли, Ленка специально новыми туфлями приминала листья сильнее, чем нужно. Вещи занесла утром мама, поэтому Ленка заходила в интернат в первый раз, страшно. Крыльцо широкое такое, пять ступеней, а потом площадка, перила, на них можно облокотиться или повисеть, или даже подтянуться, если кто-то умел. Ленка не умела. Больше внимания она уделила цвету крыльца, неестественный коричневый, недотягивающий до бордового, такой краской был выкрашен кухонный пол у Ленки дома в Кузаранде. Он не нравился Ленке, но с ним она чувствовала хоть какую-то связь с домом.

Несмелыми робкими шагами Ленка преодолела коридор, длинный нескончаемый, Ленке казался интернатовский коридор широким и высоким. Она шла к комнате, в которой предстоит жить в ближайшие года, пока Ленке не стукнет восемнадцать, шла так, как ей объяснила женщина, которая встречала всех на входе. Кто это женщина? Надсмотрщица, та, которая должна заменить маму, бабушку, папу, всех, кого Ленка оставила дома. Себя

женщина никак не представила, только назвала имя – Наталья Владимировна, кажется, но по ее надменному виду сразу Ленка почувствовала, что именно эта длинная с несурзной фигурой, и неудачно завитыми волосами, которые торчали во все стороны словно нимф, здесь главная. Именно она, Ленка это на лице прочитала. Сколько здесь комнат? Вопрос этот не давал Ленке покоя, 20 наверно. Или 30? А сколько детей с ней будет жить? Несметное количество, гарантированно.

Беда. Это слово привязалось к Ленке невидимыми нитями от бабушки, шло по пятам, и она его повторяла как-то не осознавая. Может и не повторяла, оно как-то само выскакивало в самый неподходящий момент, выскакивало и кусало больно, что Ленка корчилась. И сейчас корчилась, и сейчас «беда», она одна одинешенька в незнакомом месте, мама вот-вот уйдет, как только закончит разговаривать в рекреации, где фотообои с березками, два старых кресла и непонятный затертый ковер на полу, который тянется от кресла и до кресла. Длинная женщина не станет мамой, как на нее вообще реагировать? Улыбаться ей, приветливо кивать? Или сразу показать зубы? Чтобы не трогала, не подходила. Ленка не знала, да и зубы показывать не умела, слишком мягкотелым ребенком, добрым что ли она была. Потому старалась найти нужную дверь, не решать вопрос с поведением, пусть все идет как идет.

Вот она комната с цифрой 10. Дыхание задержала, взялась за ручку. Входить или не входить? Если войдет, обратного пути не будет, все поймут, что Ленка сдалась, согласилась, готова отказаться от дома, такого родного, уютного, в котором всегда пахнет маминой выпечкой. Отказалась и выбросила все то, чем дорожила, что любила все эти 12 лет. Нет, не может, не может она отпустить деревню, собаку Тюпу, которая сумашедше виляла хвостом и высоко подпрыгивала всякий раз, как Лена стучала по поверхности (по любой) ладонью или палкой. Не может она Лена оставить своих сестренек дома, как они учиться будут без нее в школе? С ума Ленка сойдет. А кто будет помогать матери доить корову, сено ей таскать, да ведро с кормом, некому, не эти же непутевые, которые вечно друг с дружкой дерутся, только и умеют. Ручка двери нагрелась, казалось она накалена до предела, не стерпев Лена бросила ее, изогнув брови дугой, словно корчилась от боли нестерпимой и смертельно опасной. И сама Ленка изогнулась так, что ее джинсовый костюм, немного расклешенный по низу, тоже слегка покривился, потеряв прежние формы.

Лена опустила глаза, смотрела в пол, такой же неприятно коричневый, как и крыльцо, только этот тон был немного светлее. Смотрела так, будто пол ей что сделал, был должен, был причиной всех ее несчастий, причиной разлуки с домом, родителями, семьей. Собрала все силы, что таились в уголках ее рыхлого молочного тельца, собрала в единый комок, который была готова выбросить наружу, не смотря на то, кто от него пострадает, не смотря на то, что он комок и сил, может сломать дверь, проломить стену. И этот комок помог Ленки протянуть руку, снова взяться снова за дверную ручку, толкнуть дверь, что есть силы, ввалиться в комнату бесцеремонно. Но это все, на что хватило сил. Щеки Ленки

вспыхнули, так как на нее устремились взгляды аж пятерых, а то и шестерых девочек, и все они были старше, красивее, пусть и не успела Ленка как следует рассмотреть.

- Куда мне можно... поселиться? – проблеяла Ленка, на что девки загоготали, глядя на окаменевшую новую соседку.

- Вот твоя кровать, Света сказала, - протянула указательный палец по направлению к кровати, стоявшей справа у окна, одна из них оказалась более снисходительной.

- Хорошо, - Лена выдавила улыбку.

2

Противная Оксана

В интернате, точнее прямо в Ленкиной комнате была Оксана. Ленке она не нравилась не только потому, что задирала нос кверху, но и потому, что Ленку считала за человека второго сорта. Ленку это корбила, с остальными Ленка вроде бы свылась. Людка была в деревне вроде как подругой, но здесь в пришкольном интернате пошло какое-то разграничение, оно и понятно, Людка на несколько лет старше, интересы у ней другие, что за дело ей с маленькой Ленкой таскаться и решать ее детские проблемы. Все это неправильно выглядело бы. Но нет, она же обещала маме Лены приглядывать, помогать, быть опорой. Где обещанное? Ленка поэтому таила в себе обиду, мысленно кляла Людку. Ну разве можно ее беззащитную и маленькую оставлять одну, уходить куда-то с великовозрастными подружками? Ленка-то думала, что Люда будет таскаться с ней, как с маленьким ребенком, искренне не понимала, почему не так.

В школе дела вроде как шли не плохо. Все уроки Ленка учила, не потому что надо, а потому что ей нравилось. История – целый кладезь, где спрятаны тайны Ивана Грозного, секреты бытия людей, которые давным-давно канули во временную бездну, и это их исчезновение было бы бессмысленным, если бы не история, а так они оставили свой след для нас потомков. Конечно, Ленке больше нравились фараоны, строительство пирамид и создание мумий, тема самое то, страшно подумать, что подобное вообще могло происходить на нашей земле. А может быть это вымысел, может никогда и не было фараонов, Бога Ра, не было средневековых красавиц, старинных замков, не было войска монголо-татарского, не было завоевания берегов Америки, Магелан никогда не искал корабль? Вдруг ничего, что описывала современная история, никогда и нигде не было? Откуда тогда все эти учебники? А сидел какой-нибудь мужик и писал, что в голову взбредет, да так писал, чтобы все сходилось, а на самом деле наша земля была такой же скучной как сейчас, все было однообразным тысячи лет. Но нет, не может такого быть, Ленка гнала от себя подобные мысли, уж слишком она любила историю, слишком лелеяла те книги, которые имелись дома, слишком трепетно касалась их, переворачивая страницы.

Но история это еще не вся жизнь, в школе было много других предметов, которые требовали Ленкиного пристального внимания. И она старалась. Изучала информацию, готовилась к занятиям, слушая все и вся на уроках, не обращала внимания на сверстников, которые вились подле нее надоедливymi мухами, не понимающими, что и к чему. Большой части класса вся эта учеба как виделось Лене и не нужна была, и это Лену очень огорчало, ведь она-то на самом деле видела в учебном процессе самую важную цель своей жизни. Как-то раз в интернате подняли тему учебы:

- Света, понимаешь, тебе нужны оценки, ты на второй год хочешь остаться? – отчитывала воспиталка девочку с нашей деревни.

- Я-то что, ко мне просто Гера придирается! – оправдывалась Светка, поправляя волосы, которые вылезали из хвоста пружинками.

- А ты, ты чего хочешь от жизни? – грозно сложила брови Шпала, она перекинулась на Ленку.

- Вот видите, Наталья Владимировна, я не хочу быть такой, как Светка, я буду хорошо учиться, - протороторила Ленка с широко открытыми глазами, на что девочки, особенно Светка, отреагировали неодобрительно.

Светка была отрицательным персонажем, она курила, пила, насколько это было известно Ленке, друзья были у Светки сомнительные. Лене такие личности были противны, точнее она не воспринимала их как личность, в идеализированном Ленкином мире у людей должны быть нравственные принципы, через которые ни в коем случае нельзя переступить. А Светка была антигероем, ходили слухи, что она воровала, потому что у нее родителей никогда не было денег. А еще ее отец на годах пропал, его искали примерно год, Ленка думала, что он уехал куда-то и бросил семью, а оказалось, что он утонул на рыбалке. Лене всегда казалось, что Света хочет изменить свою жизнь, но не знает, как.

А этот мелкий засранец Славик, который называл ее толстой и сидел с ней за одной партой. Что он с ней сидит, кстати? Просто так? Или ему так хочется? Да нет, посадили их так, скорее всего. На счет рассадки у классной был конкретный пунктик, она считала, что это целая наука, что от того, кто с кем сидит, зависит успеваемость класса и дисциплина в целом. Поэтому она корпела над схемой рассадки до посинения, пыхтела, хмурила брови, вытягивала губы трубочкой. Рассадив всех, она вдруг понимала, что нет, так будет неэффективно, поэтому второпях все переделывала, причем это был полный апгрейд системы. Классная была неплохой, даже наоборот, к ней все тянулись, будто она была не классной, а их мамой. Звали ее Татьяна Петровна, по инициалам привязалась кличка Тыр Пыр, ребята придумали, может и не с Ленкиного класса, как сама Ленка предполагала, а старшаки. Ленки было стыдно называть так классную, не хотелось даже когда той не было рядом. Как можно было ее Тамару Павловну нарекать таким нелепым прозвищем или вообще каким-то прозвищем, ее такую добрую ко всем детям, даже к тем, кто этого

откровенно не заслуживал. Тыр Пыр была добра к двоишникам, к тому же Славику, что сидел с Ленкой, постоянно списывая, та постоянно искала для Славика оправдания, была добра к детям и Падмозера, особенно к этой Вике, а от нее так воняло, что подойти иногда невозможно было, слухи ходили, что у этой самой Вики вши. Добра была классная и к Трофимову, все так его и вали по фамилии, хотя у него имя было, Трофимов являлся еще одним позором класса, изгоем, вел себя хуже всех и в плане учебной части, и социальной. Татьяна Петровна ко всем была добра, ко всем старалась подыскать необходимый подход, затронуть нужные нотки души, она делала это не только для школьной успеваемости, но и для того, чтобы в жизни у этих детей, у этих ежеиков все сложилось.

С классной Ленка подружилась, оставалась с ней после уроков, занималась тем, чем Татьяна Петровна скажет. В частности классная вела газету, заметив в своей воспитаннице нотку таланта, Татьяна Петровна сразу пихнула ее в газету. И Ленка боялась подвести классную, поэтому выполняла задания более чем прилежно.

И если со школой, газетой диалог у Ленки налажился, то с интернатовскими никак не выходило. Во-первых, все там были значительно старше Ленки. Во-вторых, все были настолько грубыми и отступающими от правил, что Ленка со своей домашностью до них точно не дотягивала. Девки вечерами то и дело ломились на прогулку, и под вечерами имеется в виду почти ночью. Гулять интернатовским разрешалось до девяти строго, и то, чтобы все в девять все по кроватям сидели, именно в это время входные двери до утра закрывались. Дневные воспитатели уходили, длинная Наталья Владимировна или сменный воспитатель Елена Витальевна. Виниаминовна слыла обладательницей задорного нрава, посмеяться могла с воспитанниками, когда есть повод, за счет этого злить ее никто не хотел, к тому же знали, что если на это дело пойти, то не поздоровится, и в ответку получить можно. За ее порядочность и предоставление некой свободы интернатовские звали ее Витаминка. А что? Не так уж обидно, даже ленка ее так называла, пусть и категорически против кличек выступала.

Когда закрывалась входная дверь, в интернате открывались окна. Они были такими же старыми, как и окна в школе. Скорее всего, их устанавливали в тот же момент, что и школьные. Старыми рамы были настолько, что не позволяли открыть створку окна, зато неплохо функционировали форточки. Рама была, понятное дело, двойной, иначе бы в комнате царил минус, и так-то рама много не давала, с окон постоянно дуло, спать в комнате было жутко холодно, вечно приходилось включать электрообогреватель. Обогреватель был в интернате один, поэтому его по очереди переносили из комнаты в комнату, таскать его было неудобно, одно колесико отвалилось, но другого выхода не

было. Директору уже говорили про холод, про батарею, но ему, наверное, и дела не было до интерната и до детей, которые там проживали.

Ленка жила в комнате вместе с еще пятью девочками, комната это выходила во двор интерната, как и комната, где сидели воспиталки, она находилась сразу справа от входа, поэтому смысла лазить в окно там особого и не было. Полезешь – запалят, больше никто погулять ночью не сходит. Оно и понятно, что не ночью, максимум до часа гуляли, а так выбирались на часик на два, все лучше, чем тухнуть в четырех стенах. И сколько бы лет тебе не было, заставляли воспиталки по комнатам расходиться и носу не казать, дома такого нет. Воспиталок за это все ненавидели, или почти все, Ленка не была уверена, но она ненавидела точно за то, что спать в девять клали, как самую маленькую (но ведь она в пятом классе! Как они могли?), за нелюбовь с их стороны, хотя вроде и не обязаны были воспитательницы любить этих беспризорников, за то, что дома лишили, мамы и папы.

Ленка не понимала, зачем вообще лазить через эту форточку, какой смысл? Да и охота девкам задницы морозить по ночам, что им намазано? А девкам было намазано, у большинства уже и парни были, а у кого-то даже не один, в том числе у этой противной с их деревни Оксаны. А Ленке было не понять, она знать не знала, как это парень, и что с ним делать, и не было у нее никогда этого парня, ни с кем не встречалась даже понарошку, как ее сверстники. У Марины, которая вроде как в подруге к Ленке набивалась, уже два парня было, но оба долго не продержались, но недели по две она с ними гуляла. И тут девки интернатовские гуляли с парнями, но Ленка подозревала, что у них что-то посерьезнее прогулок было.

Однажды Ленка шла по коридору от своей комнаты до комнатки, скорее уголка воспиталки, ведь она этот их закуток был совсем маленьким. Ленка что-то хотела спросить по поводу чая, был вечер, ночные воспитатели или, как их еще называли, нанечки ставили чайник, чтобы дети могли покусайничать. Лене хотелось еще перекусить, да и девки с комнаты не прочь выпить горячего чайку, вот они ее и отправили. Ленка оглянулась и смотрит, в рекреации сидит незнакомый парень, очень длинный, точно было не сказать насколько он высокий, он же сидел. Сидит вольготно, раскинув свои тощие длиннющие ноги в разные стороны, облокотившись на спинку старого желтого кресла, которое уже давно бы пора заменить, но дела до этого никому нет, стоит да стоит. Сверху на этом парне девка, их интернатовская. Ленка так и застыла с открытым ртом. Та, изогнувшись, сидела на молодом человеке и красиво выгибала спинку, ее руки нежно юлили на его груди, голова подергиваясь сотрясая красивые волосы. Это была Галя Шестакович и Великой Нивы, она считалась самой красивой в интернате, но Ленка никак подумать не могла, что Эта будет вот так дешево сидеть.

- Че уставилась, - парень нервно отодвинул Гальку, будто та загораживала ему обзор.
- Ничего, - только и буркнула Ленка, стыдливо опустив глаза.

Когда Ленка решила вопрос с чайником, она направилась в комнату и упорно смотрела в пол, чтобы не видеть того, что происходит на кресле, и все-таки видела. Парень рьяно, будто кто ее отнимет, притягивал к себе Гальку за осиную талию, ее ноги беспомощно свисали с него, она пыталась зацепиться ими, обвить его длиннющие ноги-палки, но выходило не очень. Краем глаза Ленка видела, что парень схватил наездницу за загривок, потянул к себе, стал целовать, целовать так, словно хотел проглотить Катькину голову. Ленкины щеки вспыхнули, какой-то испуг достиг ее, может быть за Катьку, поэтому она бросилась в комнату сломя голову.

Но больше всего волновала Оксана, она постоянно задирала Ленку, мол, толстая, неуклюжая, это не то, то не так. И за это и за некрасивый Наташин нос та ей грубо говоря не нравилась. А нос и правда у Оксаны был некрасивый, курносая такая, как начнет смеяться, становится похожей на этого, как его, Гринча, который Рождество похитил. Но парней у Оксаны было много, вечно сбегала гулять по ночам, причем если идет с одним, то другому говорит, извини, голова болит. Ленка все это видела, потому что жила в одной комнате с Оксаной. Было и так, что один кавалер подошел к окну их комнаты со двора, а другой в этот же момент ждал с другой стороны интерната. Ленке было смешно и в тоже время грустно, ну, как она так может?

Однажды Оксана вернулась с прогулки, как раз была та нянечка, которая не против ночных прогулок и даже гостей после отбоя. Смеялась, морщила свой противный нос, и тут ее взгляд пал на Ленку.

- Что тут ходишь? – ни с того ни с сего ополчилась Оксана.
- Ничего, - Ленка отвела глаза, надеясь, что Оксана отвяжется. Но она не отвязалась.
- Какие у тебя косы, - Оксана погладила Ленку по волосам, а давайте, девки, их отрежем, - обратилась к девочкам, которые сгруппировались со стороны напротив Ленкиной кровати.
- Нет, - проблеяла Лена, голос дрожал, как колышек на ветру, - только не это. Девки прыснули от смеха, для них веселье, а Ленка реально испугалась за свои косы, что-что, а косы у нее действительно красивые.

Оксана накручивала локон на свой указательный палец, а Ленка безропотно сидела на своей кровати, боясь пошевелиться. Оксана большая, ввязываться с ней в драку бесполезно, завалит, да Ленка и не умела драться, не дралась никогда, ну разве что со своими сестричками понарошку, а это не в счет. Обидчица все более настойчиво крутила Ленкины волосы, те натягивались и больно отдавались по всей голове.

Ленка словно закипала, мысли не были дружелюбными, с каждым мгновением хотелось все больше встать кинуть Оксану в стену, не боясь за то, что гипсокартоновая стена может просто напросто проломиться. Хотелось поднять старую почему-то покрашенную в зеленый тумбочку и надеть ее на голову Оксане, пусть ее кости сломаются, Ленке от этого станет только радостнее. Но на самом деле Ленка сидела и вжималась в кровать все больше и больше, этому способствовала железная пружина кровати. У большинства интернатовских кроватей в то время были щиты, специально сколоченные, но у Ленки щиты не было, поэтому она спала и провисала чуть ли не до пола, матрас, набитый ватой никак не способствовал хорошему сну. А что если схватить ее за руку и укутить изо всех сил? Нет, она меня убьет. Пока Ленка перебирала в мыслях возможные варианты, с каждой секундой краснея все больше, Оксана с волос перешла на грудь.

- О, да у тебя и грудь имеется, - Оксана опять морщила лицо от смеха, давилась от своего веселья, она провела мизинцем по ореоле вокруг соска, а потом резко надавила на грудь, Ленка от неожиданности и боли вскрикнула и скукожилась насколько могла. На Лене была хлопковая майка, которая ничуть не защищала.

Почему она, почему Ленка стала ее жертвой? Почему девочки сидели и не чего не говорили этой Оксане? Почему они не заступались за Лену, позволяли издеваться и даже тоже смеялись вместе с ней. А где же Люда, подруга, которая обещала помогать и оберегать? Где? Сидела напротив с остальными, сидела и молча наблюдала за этим цирком. Почему так? Ленка ненавидела Оксану, ненавидела Люду за ее бездействие, ненавидела всех девок.

- Отвали от нее, - попыталась заступиться за девочку Яна с Ламбаса.

- Не твое дело, что я с ней делаю, она моя, захочу и поимею ее прямо тут, - Оксана властно пригрозила Оксане и в ту же секунду развернула инертное тело Ленки, словно налитое воском так, что Ленка оказалась в положении раком.

- Хватит, - с мольбой в голосе выдавила из себя Ленка.

- Я скажу когда хватит! – почти кричала Оксана, - а теперь у нас показ мод.

Оксана заставила Ленку надеть ее топик, который на Лену правда еле-еле налез. А потом – кофту, а потом еще что-то. Ленка проходила круг по комнате, потом расставляла руки в стороны, а Оксана давала оценку наряду, все девки на это действие снова давились, слезы скатывались по их щекам, Янка держалась за живот, сгибаясь вперед. И Ленка смеялась, смеялась дурочка.

С домом связь как-то потерялась, хотя Ленка с охотой возвращалась домой, спешила, забывала вещи, даже те, которые нудно было постирать на выходных. Дома мама, папа, бабушка. Бабушка, конечно, очень ждала, у Ленки была с ней особенная связь. С сестер-то что взять. Мила, конечно, сносно относилась к бабушке, но Лида откровенно ее ненавидела. А за что ее было любить-то? Старуха каждый день трепала Лиде нервы, а не трепать не могла, бабка Тоня сидела безвылазно на кровати, ноги у нее отняли из-за диабета, остались одни огрызки. Ленка боялась на это смотреть, потому не смотрела на ноги, точнее на то, что от них осталось, она старалась смотреть на бабушку по-прежнему, на ее морщинистое обвисшее лицо. Кожа была бледной, даже слишком, бабушка уже долго не выходила на улицу. Когда у нее оставалась одна нога, она еще ходила в байну с костылями, с помощью Ленкиной мамы или девочек, выходила посидеть на крыльцо, но очень редко, потому что очень стеснялась того, что нога осталась всего одна. Ленка плакала, когда всерьез думала о бабушкиной участи, но ей слез не показывала, смотрела только жалобно, старалась говорить с бабушкой как обычно, как обычно обсуждать с ней телепередачи. Лида же ненавидела бабушку и не скрывала этого, она понимала, что на зlostные окрики бабка все равно ничегошеньки сделать со своего лежбища не сможет, если только кулаками погрозить.

- Задолбала, ведьма старая, - Лида со злостью захлопнула дверь в свою комнату, которая находилась по соседству с бабушкиной.

Ленка в это время пыталась набрать инсулин в шприц, но от Лидиных слов руки ее опустились. Ленка было закрыла рот, но тут пришлось выслушать тираду от бабушки, мол вырастила неблагодарных. Все негодования Ленка запихала в себя и неуверенно, улыбнулась бабушке, что ту сразу успокоило. Лиду Лена могла понять, в том плане, что это же ненормально, когда такой ребенок вынужден ухаживать а вредной старухой и терпеть ее сквернословия и критическую оценку жизни, не смотря на то, что о последних событиях бабушка узнавала только из маленького телевизора, стоявшего на деревянной корзине с бельем, стоявшей напротив ее кровати. Лида – маленькая сестра, не в чем не провинившаяся.

Ленка безропотно ввела лекарство в свисавший живот, на что бабушка старчески некрасиво скривила лицо, от этого только стало жутко, а не от укола. К уколам Ленка привыкла, но чаще бабка колола их сама, иногда у той рука не поднималась. Были истерики, нечасто, где-то с двухмесячной периодичностью, однако регулярные. В такие моменты бабушка кричала, что больше так не может, не может быть прикованной к этой лежанке и что лучше уж умереть.

- Дайте мне нож, я убью себя! – и последних сил выкрикивала она коронную фразу, на ней крик переходил в стон, после чего бабушка еще где-то с полчаса скулила, а потом замолкала, лежала, молча уставившись в телевизор. А что ей оставалось делать?

Но в остальном жизнь в их доме не была такой уж плохой. Бывало папа выпивал, не хило так, этого Ленка боялась, боялась того, что поколотит маму, выговорит бабке все, что о той думает. Однажды по пьяни отец выволок бабку, та уже была без ног, на крыльцо в одной сорочке, больше ничего бабушка не надевала. Бабушка бессильно опустилась на живот, раскинула руки и разрыдалась. Бабушка лежала и плакала, слезы лились не от страха за себя, а от бессилия, от того, что не могла она подняться и дойти до своей лежанки.

В тот вечер бабушка была особенно беспокойной, несла чушь, называла Ленку Марьей Федоровной, и говорила, что удои сегодня на ферме плох. Мама ходила и качала головой, а иногда глубоко вздыхала и бралась рукой за голову, будто проверяла, не поднялась ли у нее температура. Лида, жившая в соседней комнате, злобно комментировала бабушкины крики, а та не умолкала, выкрикивала снова и снова что-то несурзное. Лене так хотелось помочь бабушке, руки опускались, лоб исходился складками, когда бабка вновь говорила что-то не то.

- Бабушка, может тебе сделать чаю? – заботливо Ленка поправляла постель.

- Мария Федоровна, ты что-то сегодня не в форме, сколько коров подоила? – Ленка сморщила лицо, не зная, как реагировать на Марию Федоровну.

- С пряниками, сейчас принесу!

- И лопату не забудь! – на этих словах Ленка убежала на кухню, но не для того, чтобы делать чай, а поплакать.

Горечь, слезы, страх – все смешалось, крупные капли падали в старушечью чашку с трещиной, разбавляя чересчур сладкий чай, в который Ленка как и всегда добавляла вместо сахара специальные таблетки. Как такое может происходить, это будто не она, не Ленкина бабушка сейчас сидит на кровати. Почему все это происходит с ней, бабушка всю жизнь трудилась, растила вначале своих детей, потом маминых, и что – это ей в благодарность, а она ведь ребенок войны. Почему она должна сидеть здесь в деревне и гнить медленно и безнадежно. Бабка начала петь песни, Ленка услышала их из кухни. Поспешно вытерла слезы, захватила чашку и пряники и ринулась в бабушкину комнату.

- Закройте рот этой ненормальной, - кричала сестра из соседней комнаты, хотя по ее ору непонятно, кто был более ненормальным – она не дает мне сделать уроки!

- Господи, помоги нам грешным, - мама стояла рядом с бабушкиной комнатой и боялась зайти, смотрела на куда-то в потолок, Ленка уже не разбирала, что шептала мама.

- Мария Федоровна, Мария Федоровна, - бабушка по-детски улыбалась, вдруг ее морщины разгладились, лицо сделалось свежим, приятным, - чаю мне принесла, нус, отведаем.

Ленка с облегчением вздохнула, поставила чай с угощениями на тумбочку, которая стала прикроватной, хотя это была скорее деревянная этажерка, на которой лежали вещи первой необходимости.

- Бабушка, ты меня узнаешь? – с надеждой спросила Ленка, заглядывая ей прямо в глаза.
- Финны прямо под Петрозаводском, они всех нас убьют, разрежут на куски, скормят собакам, бегите, бегите, девочки! – глаза бабушки безумны и пусты.

Ленка пыталась отыскать в них хотя бы намек на здравый смысл, но его там не было. Стало жутко, не по себе. Какие к черту финны? Что вообще происходит? Ленка смотрела на бабушку во все глаза, переводила взгляд на плачущую маму, которая только и делала, что всхлипывала. Сестра тоже не могла заткнуться, только подливала масла в огонь.

- Мама, - Ленка робко подошла к плачущей матери, которая явно не знала, что делать, - мама, ты помнишь, про какие таблетки говорила врач?
- Даже не знаю, вроде эти, как там? – мама начала перебирать в голове названия.
- Давай дадим ей? – Ленка смотрела в упор на маму.
- Они сильные, ты же знаешь, четвертинку дать?
- Давай половину? Ты же видишь, что тут дело не уха? У нас завтра уроки вам на работу, - Ленка уговаривала маму помочь бабушке для того, чтобы привести ту в норму.
- Я даже не знаю, нужно ли давать так много...

Лекарство дали в двойной дозировке, уже через полчаса бабушка уснула, даже пряник съесть не успела, а она ведь так любила шоколадные пряники. Утром Ленка покидала свои вещи в сумку, наспех собрала портфель, вчера было не до этого, бабушка спала, немного сопела, Ленка со спокойной душой отправилась на автобус.

- Лена, можно тебя? - В класс вошла ТЫР ПЫР, - мне нужно забрать ее, - вежливо пояснила она учителю географии.

Лена вышла в коридор, перебирая в голове, что она могла натворить, из-за чего ТЫР ПЫР ее прямо с урока выдернула.

- Милая, тебе нужно успокоиться, - нервничала только ТЫР ПЫР, - Лена, твоя бабушка...
- Что, что с бабушкой? – Лена не могла понять, что хочет сказать классная, почему так тянет, - ее увезли в больницу.
- Ее больше нет.
- Я не верю, - Ленка развернулась и вошла обратно в класс.

Ленка сидела за партой, что-то даже записывала за географичкой, это продолжалось минут двадцать. В один миг у Ленки все оборвалось, и она разревелась в голос за партой, при всех, при географичке, женщине самых строгих правил, лицо которой всегда пугало Ленку своей надменностью. Учительница подошла к Ленке и обняла ее, проводила до

раздевалки. Ее нет, больше нет, - звучало в голове. Мама по телефону начала объяснять какие-то медицинские подробности, про которые Ленка даже не слушала, мама была просто фоном, в голове вертелось только «ее больше нет». Последней маминой фразой было, - зря ты сказала, что нужно дать двойную дозу. И это добило Ленку, звучало, как приговор на всю жизнь. Ленка же хотела помочь, помочь всем, в том числе и маме, которая не могла принять решение сама. А Ленка смогла, а теперь что, - мама ее обвиняет? В смерти? Ленка виновата в том, что «ее больше нет», это Ленка, так бы она проснулась сегодня и доела вчерашний пряник, размочив его предварительно в чае. Но «ее больше нет». Детство закончилось.

4.

Шпала Владимировна

Шпала не нравилась никому, Ленке тоже. Почему? Сложно сказать, просто не нравилась. Причина, скорее всего, в том, что Шпала была занудой, да еще какой. В глазах Шпалы не было жизни, они были стеклянными и мутными, это было видно даже через квадратные очки. Ленка вначале пыталась проникнуться к Шпале, слушала ее, раскрыв рот, а потом узнала, что Шпала про нее судачит с другими воспитками.

- Ты что? Думала со Шпалой подружиться? – Людка подняла брови как-то неестественно, - Ленка, ты тяжелый случай.

- А что с ней не так? – Лена удивилась не меньше, она не понимала, где опять накосячила.

- Когда учился мой старший брат Саша, она была не главным воспитателем, а полумойкой...

Парни как всегда вернулись поздно, Саша был веселее, чем обычно, вокруг него припрыгивал мелкий Костик, хотя, мелким его называли из-за роста, а не из-за возраста, Костя с Сашей были ровесниками. Саша встречался с Женей с Ламбаса, на тот момент им казалось, что это любовь, после прогулки, шатаний по Толвуге Саша завалился через форточку в парневскую комнату, ему захотелось заглянуть к девушке. Шпала стучала шваброй или чем-то еще, предназначенным для уборки.

- Э, Шпала, привет, - Саша перегибал палку, - посмеиваясь, побрел к девчатам.

- Саша, иди к себе в комнату, - тихо ответила она, сложила свою худую фигуру пополам, пока нагибалась к ведру с тряпкой для мытья пола. На ней была черная юбка, не достающая до пола, такая же черная широкая блуза.

- Я бы советовал тебе не высовываться.

- Не забывай, с кем ты говоришь, - лицо Шпалы Владимировны окаменело.

- А ты не забывай, что я о тебе знаю! – Саша прошел мимо ведра и Шпалы победителем, - что делаешь на работе, - сказал он, уже открывая дверь в комнату к девкам.

В дверь постучали, что было дальше, Саша соображал уже плохо. Шпала вспыхнула, некогда безразличный взгляд загорелся злостными огоньками, она стояла в дверном проеме, уперев руки в боки. Зачем она встала в такую позу? Чтобы Саша не мог ускользнуть в коридор? Да он и не собирался, он был слишком смел или слишком пьян, чтобы отступить. А Шпала тем временем предполагала, что делать со своей жертвой, которая оказалась в ловушке. Нянька, в то время она еще занимала должность нянечки, пыхла и раздувалась, будто собирается увеличиваться в объемах до тех пор, пока не лопнет. В комнате стало душно, спертый воздух давил на Сашу, ободранные желтые стены тоже давили (и почему выбрали желтые обои, некрасиво же?). Голова у Саши закружилась, он пошатнулся.

- Что такое? – девочки засуетились, Шпала тоже сдвинулась с места, сделала пару шагов к Паше, но остановилась.

- Да все нормально, - секунда и Саша был в себе, - пойду к себе.

Шпала долго соображала, за эти мгновения Саша выскользнул в коридор, как только опомнилась Наталья Владимировна ринулась за дверь, девки посмеивались фонов.

- Завтра к директору пойдешь засранец! – лицо воспиталки опять стало холодным и неприступным.

- Я?- Саша успел дойти до середины коридора, - я спрашиваю, я пойду к директору? Забыла, как мы тебя покрывали? Зазналась?

- Я все сказала.

- Ааа, ну тогда какие вопросы, держи, - Саша запустил руку ведро, пошебрав там и быстро, кривя рот, достал половую тряпку. Секунда и тряпка оказалась в воздухе, летела она прямо в Шпалу. Попал в плечо, - Жаба, только попробуй!

Саша направился в свою комнату как ни в чем не бывало. Шпала стояла посреди коридора с опущенными руками, на очках застыли капельки. Тряпка врезалась в плечо, зону подмышек, а затем шлепнулась об пол с глухим но плюхающим ударом. На шпалиной кофте осталось мокрое пятно, мокрая блуза просвечивала, прилипнув к неживому телу. По полу текла вода, неаккуратным движением Саша опрокинул ведро с грязной водой, вода расходилась, забивалась в щели между досками, не смотря на то, что пол был покрашен, жидкость все равно проникала в эти щели. Лицо шпалы не двигалось, ни один мускул не дергался, неужели внутри было тоже самое? Неспешно она стала убирать образовавшуюся в коридоре грязь, даже не думала взглянуть на девочек, выглядывающих из-за старой тяжелой двери.

Подстава

Света всегда была крайней во всем. Чтобы ни происходило в интернате, в деревне, где жила Ленка, сразу подразумевалось заочное участие Светы.

Никогда, никогда бы Лена не сделала этого, но все же. Новая неделя в интернате началась неудачно, папе как всегда задерживали зарплату, мама же всю свою выбирала в магазине под продукты. Вообще мама мало получала, в райповском магазине все брали в долг, не давая мама не могла, так как нрав у нее был такой добродушный, всех жалела, всем хотела помочь. Но как только узнавала о том, что собирается нагрянуть проверка с Медгоры или еще откуда, хваталась за голову, приходилось возмещать недостатки своими же деньгами. И сейчас денег у родителей не было.

Уже четвертый месяц у Ленки были красные дни календаря, чего она жутко стеснялась. Подгадать, когда они начинались, толку у нее не было, прокладками заранее обзавестись, соответственно тоже. И в этот раз также. Кровь пошла прямо на уроке, ленке пришлось прямо во время урока выбежать в туалет, хорошо, что в портфеле оказалась туалетная бумага, Ленка запихала ее прямо туда. Бабушка раньше все говорила, что не нужно тратить деньги на прокладки, все это излишки, баловать себя – последнее дело для бабки. По ее понятиям было достаточно тряпочек, которые можно было хорошенько выстирать, предварительно замочив. Но уж эта роскошь продавалась в магазинах, и Ленка понять не могла, как можно было отказаться от нее в пользу тряпочек.

Лена вышла в туалет, хотя, историчка этого не любила, хождения туда-сюда во время уроков ее сильно раздражали. Все в классе считали Геру Селиверстовну стервой, а что ее бросил муж, вот она и отрывалась что было духу на учениках. А тут еще и Ленка со своими прокладками. Лена не сказала никому, что ей нужны прокладки, она попросилась в туалет, а когда оказалась там, искренне удивилась. Опять? И неужели это будет происходить каждый месяц?

А мама радовалась, что у Ленки, наконец-то месячные пришли, но прокладок почему-то не купила. Сейчас Ленке нужны прокладки. Поэтому пришлось вернуться в класс.

- Гера Селиверстовна, мне что-то не очень хорошо, я пойду в интернат, - промычала в пол Ленка.

- На сколько я знаю, - Гера поправила очки, - интернат сейчас закрыт, а в комнаты не попасть, - посмотрела на Ленку презрительно, вообще она на всех смотрела презрительно, будто ненавидела детей.

- Курица инкубаторская, с уроков хочешь свалить, - кто-то присвистнул с задних рядов.

- Тишина в классе, - заверещала Гера не своим голосом.

- Я через базу пройду, а от комнаты у меня с собой, - Ленка не стала дожидаться разрешения, схватила портфель и канцелярию с парты, постаралась выйти из класса как можно быстрее.

База и взаправду оказалась открытой, в определенные дни там шли занятия, хотя Лена и не знала, в какие именно, но сегодня ей повезло. База располагалась в закутке справа от центрального входа в интернат, который на время уроков закрывался на ключ, чтобы интернатовские не бегали с уроков, а действительно учились. В каморке, где сидел воспитатель на стене висел ящик, в котором каждый ключ от комнаты располагался под своим номером. Здесь должен быть порядок – говорила Наталья Анатольевна, пусть ее никто никогда и не слушал. Ленка тихонько зашла на базу, занятия там шли полным ходом, у входа стояли какие-то спортивные ботинки, в комнате слева стучали мячи. Ленка заглянула в дверную щель, - там был кто-то из старшеков, - играли в настольный теннис, а какой-то парень примерно Ленкиного возраста или чуть старше отбивал пол баскетбольным мячом. За этим столом находились шведские стенки, почти вся стена была в них, в углу свален какой-то спортивный инвентарь, Ленке было не разобрать, что именно. Старшак надет как-то смешно, - спортивные штаны, футболка с длинным рукавом, а сверху обычная футболка, на голове вообще полоска спортивная, волосы от которой топорщились в разные стороны. Жуть – подумала Ленка и прошествовала к своей комнате.

Идти по коридору было страшно, обычно в интернате было полно народу, свои, те, которые приходили в гости к своим, да мало ли еще кто, контрольно-пропускного режима здесь не было. Помимо спортивного кружка ни души, по Ленкиной спине пробежал холодок. Вдруг она увидела, что дверь в комнату, где проживала Галя Шестакович, открыта, Лена постучала, заглянула, в комнате никого не оказалось, от этого стало еще страшнее. Комната была в идеальном порядке, насколько это было возможно в интернате, который уже лет 10 ждал ремонта. На тумбочках какие-то женские штучки, которыми Ленка еще не пользовалась, тушь и пудра, кажется, на стенах и у одной, и у второй девочек висели ковры, которые хоть как-то скрывали ужасные стены. Еще по стенам развешаны плакаты, на Ленку смотрели Руки Вверх, Шакира, какой-то неизвестный парень, но по виду точно музыкант, Рома Зверь. Вдруг кто-то взломал их дверь, вдруг в интернате ходит кто-то чужой? Ленка прошла в туалет, надеясь встретить Галю или Машу, которая жила с Галькой в комнате, но никого не обнаружила. Прислушалось, никаких звуков не было, кроме тех, что доносились со спортивной базы.

У себя Ленка не нашла прокладок, подумала, может есть у девочек в вещах, в своей комнате ни у кого не нашла, а кровь безжалостно лилась, бумажки уже не спасали. Ленку охватила тревога, она отчаянно провела пухлой рукой по мокрому от пота лбу, своим девочкам она как-нибудь смогла бы объяснить, что взяла прокладку, даже если бы они стали стесаться над ней. Что же делать, не рулон же бумаги себе в трусы запихать? Ленка

решила попытать удачу и посмотреть прокладки в вещах у Гальки, у нее по-любому должны быть прокладки.

В тумбочке Гали ничего ни оказалось, как ни оказалось и в шкафу, и в сумке, зато, в сумке Ленка увидела кошелек. К Ленке подкралась вредная нехорошая мысль. Нет. Точно нет, Ленка попыталась отмахнуться от нее. Она слишком хорошая, чтобы так поступать, подставлять маму, своих сестричек, каким она будет примером. А с другой стороны, что она теряет, если посмотрит, никто не узнает, она не собирается ничего брать, просто посмотрит. Ленка аккуратно достала кошелек, чтобы не расшевелить остальные вещи, которые скрупулезно были уложены в сумке Гали. Кошелек был красивый, с вышивкой бисером на красном фоне, из тех, в которые купюры приходится складывать пополам, от кошелька приятно пахло сладким парфюмом, как в прочем и от всех Галькиных вещей. Ленка замерла, старалась не дышать, в то же время прислушивалась, чтобы услышать шаги, если кто-то надумает зайти в комнату. С замиранием сердца, будто сейчас решается судьба, Ленка потянула за заветную молнию, молния поддалась, это был знак. Кошелек открылся словно сам собой, перед Ленкой заискрили сторублевые купюры, их там было по меньшей мере штук семь, а то и все десять. Нет, Ленке они не нужны, все-таки можно как бабушка говорит, обойтись тряпочками. Но в комнате были только Ленка и деньги в этом красном кошельке. Рука потянулась и тут же налилась чем-то, стала неподъемной, Лена пыталась пошевелить ею, но у нее не выходило.

Никогда раньше Ленка ничего не крала, даже яблок у соседки, пусть очень и хотелось, родители в этом плане у Ленки были правильными. Брать или не брать. Злой ангел внутри Ленки оказался очень убедительным, не смотря на нравственные устои родителей, отяжелевшую руку и жалость к Гале, хотя не было никакой жалости, Галя красивая, ей прокладки может и парень ее купить, и не только прокладки, а шоколад, сок и все, что Галя захочет. Прокладки, нужно самой о себе заботиться, и это был вердикт. Лицо Ленки окаменело, она быстро и с откуда-то нарисовавшейся ловкостью вытащила сотню, (всего сотню!) и поспешно закрыла кошелек, сунула его в кучу вещей и отскочила от кровати. Лицо Ленки было багровым и каким-то мятым, она торопливо оглядела комнату, чтобы понять, все ли находится в том же состоянии, как и тогда, когда Ленка пришла. Теперь нужно быстро в магазин, пока никто не вернулся из школы.

- Это очень серьезно, вы понимаете? – собрание проходило в общем зале, там обычно дети делали уроки, - мне стыдно за каждого! – Шпала Владимировна разорвалась.

Воспиталку звали Наталья Владимировна, все интернатские ненавидели ее. Из-за длинного плохо сложенного тела она получила прозвище Шпала. Шпала была в ярости, тут всякое вытворяли, но воровство было редкостью.

- Сейчас каждый по очереди зайдет ко мне в кабинет, - хотя кабинет был обычной каморкой, но Шпала так не считала, на ее лице мышцы ходили туда-сюда.
- Как ты думаешь, кто это, - Ленка повернулась к Людке, положила руку той на колено.
- Знаешь, мне кажется, что это Ирка, - прошептала Людка, ее выпуклые глаза заходили в стороны, а непроходящие синяки под глазами задергались в такт.
- Почему, почему, зачем ей это? - не унималась Ленка, поправляя при этом резинку у ретуз на плотном животе.
- Лена, что пристала? Просто раньше такое уже было, ее вину доказали. Денег на сигареты не доставало, наверное, - Людка нервно дернула руками.

Настроение у интерната было не ахти, было неприятно понимать, что рядом – вор. Все ходили и косились друг на друга, рыкали, криво улыбались, девки в комнате почти не разговаривали. Светка старалась ни с кем не разговаривать, Ленка случайно пересеклась с ней в коридоре, та промчалась в свою комнату с краснющими глазами и опухшим лицом.

- Вы лично будете стоять и охранять личные вещи, мне совершенно все равно как, это ваша работа, а вы прохлаждаетесь, - мать Шестакович заехала в интернат на следующий день, к тому времени все уже были в интернате, в этом не было ничего удивительного, кому понравится, что у твоего ребенка воруют.

- Вы должны понимать, что Галя здесь не одна, у меня много детей, каждого лично я контролировать не могу, - Шпала оправдывалась как могла.

- Эту Свету вы должны наказать! – мама Гали была неумолима.

- Несомненно, Татьяна Константиновна, мы примем меры, - на этих словах Шпала захлопнула дверь, все, что продолжила говорить, Ленка уже не могла разобрать.

Кстати говоря, кражи не прекращались, пока Светка не покинула стены интерната.

6.

Инфаркт

Ирина Михайловна – единственная, кто в принципе делал что-то для того, чтобы дети почувствовали себя в интернате, как дома. «Вы сделали уроки? Сядь занимайся! Что за оценки? Ты катишься по наклонной!» - Ленка сотни раз слышала от Шпалы эти слова. «Как дела? Нормально? Ну и хорошо, развлекайтесь!»- такой была позиция Витаминки. «Во сколько вчера пришли? В полпервого? Мне нальете, только немного, я полы еще не помыла» - так вещала Настька, которая была не особенно умной теткой. Настя разрешала пить на территории интерната, отпускала девчонок гулять, а потом сама же их закладывала

то ли от природной болтливости, то ли от отсутствия мозгов, девочки за язык ее не жаловали, а вот парни с ней дружили.

- Сегодня у нас будет чаепитие, - Ирина Михайловна добродушно щебетала, перебирая что-то на столе руками. Ирина Михайловна была ночной воспиткой, но детей она любила так, что частенько проводила вечера, выдумывала разные интересные штуки.

Ирина Михайловна любила печь, выпечка – ее конек, особенно интернатовским нравились пироги, большие, пышные, сдобные. Пироги не были похожими на те, к которым привыкла Ленка дома, пироги Михайловны были намного вкуснее, как будто она пекла их по волшебному рецепту, будто добавляла в них щепотку доброты, две пясточки любви, честности на кончике ножа. Ленку привлекали не столько пироги, которые были однозначно вкусными, сколько атмосфера. В комнате, где делали уроки, в такие вечера парни сдвигали столу в один большой, так, чтобы уместились все, при этом Ирина Михайловна хлопотала как заботливая мамашка, всех предупреждала заранее, чтобы никто вечером не ушел к подружке, не засел за подготовкой к экзаменам или контрольным. И такими вечерами ей удавалось создать эдакую семью, Ленка чувствовала близость каждого, кто сидел за столом, не смотря на то, что кто-то не нравился, ведь это семья, Ленка просто не могла взять и сказать, мол, ты мне не нравишься. Даже казалось, что это навсегда, что это братья и сестры.

Ирина Михайловна с вечно седыми и аккуратно уложенными волосами подпирала щеку рукой и умиротворенно расплывалась в улыбке, пока мелкий Леня с Великой Нивы тыкал в бок долговязого Гришку так, что длинные волосы Гришки разлетались в стороны. Девочки шуршали фантиками от конфет, которых в такие вечера оказывалось на удивление вдоволь, переговаривались, даже галдели. Ленка тоже шуршала фантиками, конфеты конфетами, но пироги казались божественными, с творогом, с джемом, особенно хорошо выходили с брусникой. После столовской еды пироги казались спасательным островом, интернатовские думали, что школьный повар Полина просто напроосто плюет в котел, чтобы досадить детям, а ее лепешками можно было прибить, настолько они казались твердыми. Обычно на завтраке парни и девки, посаженные в два ряда, макали в сгущенку, а затем махали нанизанными на старые слегка подогнутые вилки лепешкам и в воздухе. Так что да, пироги были вкусными, семейными.

Ленке воротила нос от Ирины Михайловны, уж слишком слащавой та казалась, ну, не может человек всегда улыбаться, всегда быть в приподнятом настроении. Ленка только успевала открывать рот, когда парни грубили Ирине, а та улыбалась в ответ. У Ирины Михайловны воспитание, леди взялась, аж противно. Но однажды даже у нее терпения не хватило. Это произошло через год после того, как Ленка стала жить в интернате

Вечер начинался как обычно, Ленка старалась сделать уроки побыстрее, чтобы осталось время на сериал, на болтовню с девчонками.

- Девочки, оставьте мне кексов, - Ленка прокричала вслед подружкам, которые выходили из общей комнаты.

- Мы подумаем, - прохихикали ей уже из коридора.

Не было никакого праздника, просто все вдруг решили повеселиться, да и Олег давно звал интернатовских погулять. Тот, конечно, не особенно нравился Ленке, тем более он тесно общался со школьной шлюшкой, как ее все называли, Танькой Игнатьевой. Для Ленки Олег был слишком высоковат, слишком лысоват, слишком дохловат, и вообще он вести себя не умел, но шоколадки Людке всегда носил. А тут он уже неделю приставал. – Давайте погуляем, девчонки. – Ну, давай, согласилась наконец Людка. Девчонки с комнаты были не в восторге, но что сделаешь, им просто пришлось идти, не оставлять же ее одну. В комнате Ленки, помимо Людки и Светки, жили София и Катя с Ламбаса, они постоянно перепирались, что-то делили между собой, то тетради, то парней, хотя София безнадежно была влюблена в старшака, частенько у них тусила Карина с Великой Нивы.

Вся компания гуляла по улочкам Толвуи, пусть было и не очень-то тепло, только-только прорезалась весна, проникала к Толвуянам свежим весенним духом, подтаявшим снегом, криком чаек, которые появились на поселке откуда ни возьмись. Все таяло, дорога еще не успела упасть, но ароматы весны уже пробивали нос, а звонкая капель отдавалась в ушах музыкой. С интерната вдоль зеленых стен, отделанных металлопрофилем, спускались длиннющие сосули, девчонки рассматривали их с окон, так и хотелось лизнуть их. Ленка пошла гулять, чтобы не отставать от компании, не быть лузером в глазах девчонок и этого Олега. Стало существенно холоднее, да и согревающие напитки уже закончились, Олег будучи «джентельменом» довел девичью часть компании до интерната. Пока Людка нежно прощалась с ним, остальные гурьбой ринулись в двери, шел девятый час, Михайловна уже готова заступить на пост ночного стража, она стояла и завершала последние приготовления, завязывала свою кофту с запахом, которая делала старушечью фигуру забавной.

- Только тихо, - ворчала Светка, ища в своих вещах ночнушку, - не хватало только из-за вас спалиться, - она косо смотрела на Софию, которую откровенно шатало и стороны в сторону.

- Ну, чем займемся? - Катя сделала вопросительный жест рукой.

- Тебе сейчас уже нечем заниматься, только если спать лечь, - Светке алкоголь был нипочем, большой опыт давал о себе знать.

- Почему же? – Софию как-то задели слова Светы, которую она не очень-то жаловала, никто ее не жаловал.

Ленка глубоко вздохнула, распахнула дверь, чтобы сбежать в туалет. Туалеты в интернате старинные, унитазов не было, было две деревянные дырки, как в деревнях, но Ленка у другому и не привыкла, потому ее туалет не смущал. Прямо около толчка располагалось окно, и вот оно Ленку смущало. Зачем вообще делать окно в туалете? Просто так для красоты? Ленка забралась на толчок и только хотела приступить к своим делам, как услышала хорош, а потом смешки, замерла. Мурашки побежали по телу, от окна тянуло холодом, холод бил по ногам, поднимался вверх по пухлому Ленкиному телу. Медленно и осторожно, будто боясь, что ее услышат, Ленка повернулась корпусом к окну, в щелку между стеной и занавеской она увидела мальчишку.

- Блин... - выругалась Ленка, пришлось перелезть на другую дырку, которая располагалась за перегородкой.

Ленка слышала, что мальчишки, а по глухому шуму их было несколько, перебрались ко второму окну. Ленка приняла решение не обращать на них внимания, как только закончила, метнулась в комнату. Торопиться было некуда, дверь была открыта, и Ленка налетела на пышущую Михайловну. Ленка постаралась обойти Ирину Михайловну, пробралась к своей кровати, застеленной типичным для интерната пестрым зеленым покрывалом, и которого местами торчали нитки, будто кошка некогда поточила здесь свои коготки.

Только, оказавшись у койки, Ленка заметила, что София лежит на полу и бьется в истеричных волнах смеха. И как Ленка могла пройти мимо? Нужно сохранять спокойствие, - подумала Лена, но улыбка сама нарисовалась на ее лице.

- Тщц, - прошипела Светка так, чтобы Михайловна не слышала, в то время как Ирина Михайловна во все глаза тарасилась на Софию.

София как умалишенная каталась по полу, то и дело выкидывала руки в стороны, словно гребла куда-то. Глаза Ирины Михайловны при этом все округлялись и округлялись, ноздри раздувались, короткая прическа стала более объемной, казалось, что каждый волосок в отдельности шевелился.

- Как это понимать? – не своим слишком тонким голосом вопрошала Михайловна, уперев руки в боки.

- Бухнули мы, - ответила Катя за Софию, - ее соловелые глаза крутились из стороны в сторону, выдавая ее состояние.

- Что? – Михайловна не верила своим ушам, и вроде не собиралась верить, но на происходящее она должна была отреагировать, - так, так, оботрите ей лицо, я позвоню в...-

Михайловна остановила свой взгляд на дырке в стене, которая красовалась посреди комнаты.

- Куда, куда позвоните? – Ленка не сдержалась и спросила.

- Как куда? – в голосе чуялась какая-то отстраненность, - Наталье Владимировне, в милицию, дежурному фельдшеру, - замолчала, а Софа все продолжала биться в истерике. Михайловна медленно опустила глаза в пол и так и пошла в свою каморку.

Ленку в медпункт не пустили, взяли с собой только Людку, которая долго прощалась со своим кавалером, так как она большее доверие вызывала что ли. Когда Людка вернулась, она рассказала, какое веселье устроили девчонки. Катька укусила медичку, которая никак такого поворота никак не ожидала, было растерялась, но тут ей пришлось отвлечься на Софию, которая съела три подряд тестовые полоски.

- Вот дурочки! – заключила Людка, - их увезли на скорой по домам, вот им попадет!

- А что теперь будет?

- Шпала Михайловне по телефону сказала, я сама слышала, что их исключат из интерната, - пригнувшись говорила Людка, - так что не высовывайтесь, чтобы под замес не попасть. Хотя, ты, Света, уже попала, воспитки думают, это ты все организовала и девок напоила.

- Кто бы сомневался! – воскликнула та, и уже более спокойно добавила, - Меня они не проверяли...

Утром всем сообщили, что Михайловну забрали в Медгору, диагноз – инфаркт.

6.

Новое лето

Лето в деревне свежее, сочное, а иногда пыльное, знойное, такое, что не продохнуть. Именно таким было и это лето, весь день палило солнце, не щадило никого. Ленка сдала все экзамены, которые полагалось сдать, собиралась встретиться с Людкой, но та отказалась, мол, что-то там у нее поменялось. А поменялось то, что Людка собралась провести время со Светкой, с которой Ленке общаться вовсе не хотелось, еще и мама запрещала. Учебу Светка забросила, пошаталась некоторое время по Петрозаводску, но за отсутствием денег вернулась в родную деревню, теперь не училась, не работала, жила на мамкиной шее, которая то и делала, что развлекалась в деревне.

Прошло столько времени, но у Ленки не выходили из головы ни Шпала с ее надменным взглядом, ни стоны маленьких мальчиков, которые доносились вечерами из парневого крыла, - Мама, мама, почему мы здесь? Они плакали в подушки, их было двое, но Ленка тогда не могла с этим ничего поделать, первоклашки, они спали одни в темной комнате, старшаки издевались над ними частенько. Школьные уроки, парты, казалось, остались далеко в прошлом, но не интернат. Интернат был страшным кошмаром, который продолжал жить в Ленке, пугая и предупреждая одновременно.

Лена отправилась прогуляться, она то и дело поглядывала на пылящую поверхность дороги, пыталась угадать, а не плывет ли там в пыли змея. Но постоянно концентрироваться на змеях было сложно, то и дело ленкин взгляд падал на голубое спокойное озеро, в котором небо словно рождалось заново. Крики чаек пробивались сквозь трели неизвестных Ленке птиц, которые казалось пели повсюду, сверху, снизу, со всех сторон. Вдалеке по дороге шел молодой человек, черненький в чем-то спортивном, на таком зное его можно было принять за мираж, ну, если бы Ленка была не в Кузаранде, а в пустыне. Фигура была незнакомой, Ленка не признала в ней кого-то из деревенских. Городской, наверное, - подумала она и мысленно фыркнула. Фигура приближалась, через несколько минут она преобразовалась в коренастого смуглого парня с черными как сама ночь волосами. Ленка не удержалась и на несколько секунд задержала на нем вопросительный взгляд, парень перехватил этот взгляд, заметил, что она пялится.

- Привет, - без особенной скромности поприветствовал Ленку парень.

- Привет, - пробубнила Лена, которую явно застали врасплох, продолжила она уже про себя, - Можно подумать, можно подумать, это он так поздоровался, потому что принято.

Парень никак не выходил из Ленкиной головы, оказывается, это был Никита Солодкин, с их деревни, он долго не жил здесь, а сейчас вернулся. И зачем он поздоровался? Прошел бы себе мимо, задрал нос, как делают это остальные, поздоровался он, а лучше бы вообще не ходил. Симпатичный, интересно, сколько ему лет, сильно ли он старше? Мысли летали в голове словно бабочки. Нет, даже думать об этом не надо, где он, и где Ленка. Он – такой красавец, кареглазый, темненький, мускулистый, Ленка боялась посмотреть на его мужественные руки и, ведь это был бы последний аргумент в пользу незнакомца.

- Даже не думай с ним связываться, нехороший он, - мама сразу перешла к запретам.

- Мам, как это нехороший? Что он сделал? – во все глаза смотрела на маму Ленка.

- Нехороший и точка, компания у него плохая, не задавай вопросов. Сказано – нет, - как отрезала.

После таких запретов Ленкин интерес удвоился. Как это так – нельзя? Все остальное время текло в думах о Никите, хотя что их связывало? Совершенно ничего, кроме короткого «привет», но даже этого было достаточно для Ленки. Уже через пару дней Никита подкараулил Ленку у соседнего дома, все еще стояла жара, единственное, на этот раз был небольшой ветерок, небо уже так не отражалось в воде.

- Куда собралась? – Никита явно поджидал свою жертву.

- Ты забыл сказать «привет», - робко упрекнула Ленка.

- Ну, да, ты права, дак ты пойдешь гулять со мной? – Никита нежно провел пальцем по запястью Лене, - Сегодня? Какие у тебя планы?

Планов у Ленки, конечно, никаких не было, но она все-таки сказала, что занята, но попробует что-нибудь придумать. Вечера ждала, как чего-то сказочного, нереального, Ленка поверить не могла, что такой красавчик обратил на нее внимание. Ленка померила новую кофточку, которую мама не так давно для нее купила, но потом подумала, какая может быть кофточка, ведь сейчас жара. Топик, шорты, что еще надо? Порылась в вещах, не нашла топики понаряднее, решила надеть майку, все, с этим покончено. Вещи валились из рук, и в итоге Ленка бросила все дела и села ждать шести часов, именно на это время они с Никитой договорились.

- Тебе не холодно?

- Нет, сейчас же лето, - Ленка улыбалась, а сама дрожала всем телом.

- Вот так, накинь, - Никита аккуратно набросил на плечи Лене кофту спортивную немного приталенную.

Ветер не унимался, вечерело, зеленые листья рвались по ветру, немного сопротивлялись, а потом поддавались порыву и вокруг отведенного им стебля. Никита повел Ленку до Жарких, на пляж, где они смотрели на белых барашков, которые словно стремились выпрыгнуть на берег, но задача была непосильной. Никита успел рассказать о том, где работал, а работал он в строительной организации в Питере, где учился, также то, что был до определенного момента моряком, ходил в плаванья, потом нашел девушку, с которой не сложилось, но почему-то от этого «не сложилось» остался ребенок. Он говорил, говорил, а Ленка смотрела ему в рот, глотала каждое его слово, но потом она задумалась о том, что Никита никак не вписывается в ее относительно спокойную жизнь. К этому времени парочка подошла к Ленкиному дому.

- Пойдем еще гулять? – в глазах застыл опасный вопрос, - ночью?

- Нет, Никита, как-нибудь в следующий раз, - Ленка сомневалась, но где-то внутри понимала, что следующего раза не будет.

Никита потянулся к ней, чтобы поцеловать, его широкие скулы были расслаблены. Он как змей искуситель стоял здесь прямо перед ней, был готов делать то, что она скажет. Она озиралась на дом с опаской, вдруг мама или папа выглянут, а вдруг они закрыли дверь на крючок изнутри, забыв, что Ленка где-то шастает. Никита тянулся к ней не только губами, но и всем телом, одной рукой он крепко держал ее руку в области запястья, так, что не выпутаться. Ленка не смогла увернуться, его влажные губы коснулись ее щеки, но это был лишь обманный маневр, губы проскользили ниже прямо к ее губам, впились в них. Никита притянул девушку к себе, приобнял за талию, так Ленке точно не сбежать, да и не хотелось. Непонятно, сколько так простояли они возле дома, наслаждаясь невинными поцелуями, но потом Никита ушел, как потом рассказали, ушел он к Светке.

7

Почти свадьба

Для Ленки было шоком узнать, что ее отец и мама Никиты живут вместе, уж никак она не ожидала увидеть Никиту в роли своего братца. С деревни Ленка сбежала сразу после того лета, следом сбежала и ее мама, только если Ленка уехала за своей любовью, то мама бежала просто от того, что ее так мучило, сбросила многолетние оковы, не думая, что станет с дочерьми, домом, деревней. Папа мыкался долгое время, не ел, не пил, как рассказывали деревенские, с которыми Ленка еще поддерживала связь. Почему-то Ленка боялась приехать и обнаружить отца мертвым, но одним прекрасным днем раздался звонок и папин голос сообщил, - Хочу представить тебе новую маму. Конечно, никакая она не новая и вовсе не мама, - мачеха. Вначале Таню Ленка восприняла враждебно, как и младшие сестры, но потом все свыклись с мыслью об изменениях в семье.

С Никитой Ленка не поддерживала связи, ее и не интересовала его жизнь, не смотря на то, что теперь он был – брат. Ленка решила съездить к папе на несколько дней, сына она с собой не взяла, оставила на мужа. Оказавшись в доме, Ленка не узнала родных стен, все выглядела как-то по-другому, квартира была меньше что ли, светлее, даже, как бы неприятно это было осознать, чище.

- Я так рада, что ты приехала к нам в гости, - Таня простодушно порадовалась, посмотрела на Ленку с вымученной улыбкой.

- Так здорово, что мы наконец-таки познакомились, - не без притворства отозвалась Ленка.

Как она может так говорить, - мысленно возмущалась Ленка, - я? В гости? Да я домой приехала! Она кто? Она тут никто, это мой дом, это мой отец. К вечеру Ленка подуспокоилась, тем более они с Людкой собирались пойти на скалы сделать шашлык, да и просто поболтать, все-таки долго не виделись. В дверь постучали, это был Никита, сам на себя не похожий, Ленке он помнился молодым, красивым, не нагруженным житейскими заботами. А теперь он стоял в дверном проходе заросший, на лице морщины, щеки как-то

упали, теперь он не казался таким мускулистым. Что с ним стало? Не столько много времени прошло, чтобы настолько измениться.

- Никита, привет, - несмело посмотрела на него.

- Привет, - Никита смущался больше Ленки.

На берег отправились все вместе, Никита и Света уже давно жили вместе, то в Толвуе, то здесь у Светки, как такового дома у них и не было, но пока это устраивало.

- Почему ты не согласилась, - не унимался Никита, приставая к Светке, - ты думаешь, появится принц на белом коне?

- Ой, мне и тебя хватает, - Ирка тоже постарела, но в ней сохранилась юношеская простота и беспечность, эти года на ней словно не сказались, - замуж я еще успею, - иронично Светка поправила пружинистую челку, которая раньше выглядела более пружинистой.

- И как тебе дома? – Людка посмотрела на Ленку вопросительно, - ты столько лет не была здесь.

- Я немного ошарашена тем, как все изменилось и не изменилось одновременно, - глаза у Ленки и правда выглядели недоумевающими.

- А чего своего не взяла, играли бы вместе? – Людка с извечными синяками под глазами ткнула пальцем в мальчишку, который играл с камнями, пытался построить из них какую-то башенку.

- С папой пусть отдохнет, - Ленка закатила глаза, - я слишком много времени провожу с ним, - оправдывалась.

Пришли еще какие-то парни – местные, невинный пикник перерастал в большие форматы, Ленка сжалась как-то, мясо не лезло при непрошенных гостях. Атмосфера накалялась, становилось жарко, очень жарко, солнце на пике. Людка соорудила из пленки и веток что-то вроде шатра для малыша, а сама навязала на голову мокрый платок, тоже самое посоветовала Ленке, но у той латка не оказалось. Никита то и дело подходил, оставляя парней одних, и узнавал, как дела у женской половины компании. Светка сидела, раздвинув ноги, Ленке казалось, что Свете еще жарче в майке и джинсах, чем остальным. Света обмахивалась большим лопухом, пружинистые волосы топорщились, постоянно лезли в глаза, как только лопух изнашивался, приходилось искать новый. Ленка смотрела на Свету и не верила, что это Света.

- Нет, я не понял, ты чего это с Сашкой-то тискаешься? – Никиту повело, он навис тенью над Светкой.

- Хочу и тискаюсь, ты мне не муж, - сухие губы лениво шевелились.

- Я не понимаю, что тебе еще надо-то, - угроза в голосе нарастала, - это чтобы с другими мужиками шастать, да?

- Не смей, слышишь, - Светка вскочила, изогнув свое до невозможности худое тело, приняла защитную позу.

Лена и Люда сидели в отдалении, мирно поедали шашлыки и обсуждали семейные проблемы (кто бы мог подумать, - семейные проблемы, - совсем недавно они сидели за партой). Сколько лет не виделись, а нити между ними не стали тоньше.

- Что там происходит? – спросила Людка у Ленки,

- Опять ругаются, - безразлично отозвалась Ленка, ей не терпелось рассказать про достижения своего сынишки.

- Не тронь меня, - Светка почти кричала.

- Да нужна ты мне больно, - схватил ее Никита а скрещенные руки, на эти движения Людка подскочила, потянулась в сторону парочки.

- Нет, нет, - Светка стала брыкаться, попыталась пнуть Никиту, но как-то оступилась, и ее опрокинуло назад.

Никита ничего не успел сделать, вот только он держал Светку за руки, а сейчас она летела назад себя. Руки у Никиты были крепкими, не понятно, почему он не удержал Свету, может, из-за алкоголя реакция была не та. Когда девочки поняли, что произошло, Света уже лежала на камнях, с ней происходило что-то странное, ее начало трясти как-то не естественно. Волнами судороги расходились по телу, от кроссовок и до макушки, Никита беспомощно повис над Светкой. Первой подскочила Людка.

- Что стоишь? Переворачивай ее, быстрее! – командовала так, словно каждый день оказывала медицинскую помощь.

- Ленка, звони быстрее в толвуйскую амбулаторию, - Люда одной рукой держала Светку, другой размахивала в воздухе, - Саша, уведи ребенка домой!

Ленка судорожно стала копаться в телефоне. И откуда у нее номер больницы? Толвуйской? Откуда-то номер нашелся.

- Ало! Скорую, быстрее, приступ эпилепсии, Кузаранда! – Ленка долго объясняла, где они находятся, и что не могут доставить девушку с приступом в более удобное место.

Когда Ленка закончила споры с фельдшером, она взглянула на Светку, та не двигалась. Наконец, закончилось! Что не так? Почему все молчат? Что не так? Ленка подошла к парням, заглянула в лицо одному, другому, лица были каменными, замершими. Ленка хватала их за руки в надежде, что они ответят на ее немой вопрос, объяснят, почему, почему же Света не шевелится. Это приступ прекратился? Значит, что все хорошо, скорая не нужна? Ленка подошла к Никите, его руки были опущены, а глаза полузакрыты, он не таращился как те парни во все глаза.

Нет, не может быть. Этого не должно происходить. Глаза Ленки бегали туда-сюда, наполняясь слезами, голубая синь озера смешивалась с уже пожухшей зеленью, которой вокруг было в изобилии, серо-черные камни грязно смешивались с небом, вдруг для Ленки все смешалось в одно непонятное пятно. Это Ленка, это она должна там лежать, это она должна содрогаться в предсмертных судорогах, это она украла тогда первый, второй раз и последующие. Так почему же Света там лежит, чем она хуже, неужели не удалась, и кто на ней клеймо поставил? Ленка не понимала, впервые она видела смерть так близко, слышала, как та дышит, онемела словно, во рту пересохло, пыталась сказать что-то, но язык не поворачивался. Схватилась за что-то, кажется, за ветку, наконец нашла силы сказать.

- Никита, что? Что ты стоишь, что делать, Никита? – Ленка ждала ответа, но ответа не последовало.

- Все, - Людка произнесла хрипло и как-то глухо.

- Что все? – со страхом медленно переспросила Ленка у Люды, которая все еще держала Светку, будто боялась отпустить.

- Она не дышит.

Эпилог

Следователь, точнее местный участковый признал дело не делом, не нашел состава преступления, хотя Никиту несколько раз вызывали, вместе с ним ходили на место преступления, чтобы выведать, а как все было на самом деле. Никита с тех пор ходил мрачный, прошло несколько месяцев, прежде чем он пришел в себя, пока все пришли в себя.

Интернат так и стоит на своем месте, никуда не делся, зелененькое здание напротив школьного сквера и стадиона. Стадион, кстати, был оборудован по всем правилам и стандартам, новомодное резиновое покрытие, яркие тона снарядов радуют глаз. Высокий забор, через который не перепрыгнуть, - еще одно достояние стадиона, Ленке даже становится завидно, когда она видит все это великолепие, - такого при ней не было. Стадион школа обустроила за счет тендера, который выиграла, чем очень гордится, хотя сельским школам и так уделяют немало внимания.

Как было бы хорошо, если бы интернатов не было. Вообще. Дело не в том, что ты чувствуешь себя детдомовцем, не в том, что не доедаешь, потому что кормят в школьной столовке ужасно, даже не в том, что в сортир нельзя спокойно сходить, - где-то есть пришкольные интернаты с условиями гораздо лучше, чем у этого. *Дело все в том, что попадая в интернат, ты выпадаешь из семьи. Это так, была у тебя семья, дружная, любящая, и раз – ее нет.* Разве можно так? Разве нужно так? Говорят – интернатовские социально адаптированы. Нет. Неправда. Социально обиженные – да.

Если раньше приезжали десятиклассники, одиннадцатиклассники, то Ленка попала в интернат в пятом классе. И что? Вместо учебы и хороших оценок – бунт, протест против тех, кому жаль выделить денег на ежедневные автобусы, жаль содержать школу в деревушке, где детей по пальцам пересчитать можно. Бей, система образования! Ломай маленьких людей, не стесняйся, бей сильнее! После Ленки стали селить первоклашек, которые привыкли к маминым сказкам, ласковым рукам, игрушкам, они хотели машинки катать, а не подзатыльники от старшаков получать.

Ленка не понимала, какие оценки? Правда хотят, чтобы интернатовские хорошо учились? Обозленные, несправедливо вытщенные из дома они будут еще и стараться, смотреть на успеваемость? Да плевать им. Как насолить воспиталкам, как не спалиться, когда после отбоя идешь гулять, как бы не завалить все-таки контрольную, - вот о чем Ленка думала. Интернат оставил неизгладимый след на Ленкиной жизни, а Светка осталась в памяти посмертно.